

Святитель Иоанн Златоуст

ПИСЬМА
К ОЛИМПИАДЕ

Святитель Иоанн Златоуст
Письма к Олимпиаде

«Сибирская Благовонница»

2011

Златоуст С.

Письма к Олимпиаде / С. Златоуст — «Сибирская
Благовонница», 2011

Олимпиада была духовным чадом святителя Иоанна Златоуста. Гонение на Златоуста принесло ей тяжелое испытание, во время которого святитель утешал ее письмами о терпении скорбей. Его наставления помогли диаконисе мужественно перенести неправый суд и мученические застенки.

© Златоуст С., 2011

© Сибирская Благовонница, 2011

Содержание

Письмо первое	7
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Святитель Иоанн Златоуст Письма к Олимпиаде

Святитель
ИОАНН ЗЛАТОУСТ

«Семнадцать писем, адресованных к Олимпиаде, представляют собой самые длинные, прекрасные и полезные из всех писем святителя», – говорит Фотий. Олимпиада была дочерью

князя Анисия. Ее отец отдал ее замуж за префекта Небридия (вероятно, в 384 году). Святитель Григорий Назианзин, приглашенный на брак, извинился, что не может на нем присутствовать, и обратился к молодой супруге с похвальным словом. Олимпиада была замужем только один год и восемь месяцев. Овдовев в столь юном возрасте, она решила остаться вдовой, и ничто не могло поколебать этого ее решения. Напрасно император Феодосии прибегал к просьбам и угрозам, чтобы заставить ее выйти замуж за своего родственника испанца Елпидия. Отказ ее разгневал императора, который прежде чем отправиться в поход против Максима, приказал префекту города наложить секвестр¹ на все ее имения, пока она не достигнет тридцатилетнего возраста. Олимпиада отнеслась к этому возмутительному действию с таким мужеством, что казалась даже счастливее при виде ограбления своего имущества. Между тем Феодосии, поняв, что ничем нельзя было побороть этого противодействия, велел возвратить ей имения. С этого времени дом ее сделался открытым для епископов, монахов, священников и других духовных лиц, приходивших в Константинополь. Епископ Нектарий назначил ее диаконисой, и в этом достоинстве она и закончила свою жизнь².

Письма к Олимпиаде с достаточностью свидетельствуют о том, как она была любезна святителю Златоусту. После изгнания святителя ее владели по судам, обвиняли вместе с другими приверженцами святителя в поджоге храма святой Софии. Несмотря на основательность ответов Олимпиады, ее приговорили к большому штрафу, затем она оставила Константинополь, чтобы удалиться в Кизик, где и отошла в лучшую жизнь. Святой Григорий Назианзин, Палладий, Созомен, Аммиан и другие жизнеописатели сообщают многочисленные подробности об этой добродетельной женщине.

*Госпоже моей
достопочтеннейшей и боголюбнейшей
диаконисе Олимпиаде, епископ Иоанн,
о Господе радоваться*

---

¹ Секвестр – запрещение или ограничение, налагаемое государственной властью на пользование каким-либо имуществом.

² Память диаконисы Олимпиады Церковь празднует 25 июля.

Письмо первое

1. Утешение в скорби. Нужно бояться только греха. 2. Бедствия приготавливают нам великую награду, почему Бог и попускает на нас страдания. – Пример трех отроков в печи вавилонской. – 3–4. Во все времена Господь попускал соблазн и гонения, чтобы лучше проявить Свое могущество и Свою мудрость. – 5. Заключение: Олимпиада должна изгнать из своей души скорбь, которую причиняют ей настоящие смятения.

1. Хочу излечить рану твоего уныния и рассеять мысли, собирающие это облако скорби. Что, в самом деле, смущает твой дух, почему ты печалишься и скорбишь? Потому, что сурова и мрачна эта буря, которой подверглись церкви? Потому, что все превратила она в безлунную ночь, день ото дня все более усиливается, причиняя тяжкие кораблекрушения? Потому, что растет гибель вселенной? Знаю это и я, да и никто не будет прекословить этому. Если желаешь, я изображу даже тебе и картину того, что теперь происходит, чтобы сделать для тебя более ясными настоящие печальные события.

Мы видим, что море бурно вздымается от самого дна; одни корабельщики плавают по поверхности вод мертвые, другие ушли на дно; корабельные доски развязываются, паруса разрываются, мачты разламываются, весла выпадали из рук гребцов, кормчие сидят вместо рулей на палубах, обнимают руками колена и только рыдают, громко кричат, плачут и сетуют о своем безысходном положении; они не видят ни неба, ни моря, а повсюду лишь такую глубокую, беспросветную и мрачную тьму, что она не позволяет им замечать даже и находящихся вблизи; слышится шумное рокотание волн, и морские животные отовсюду устремляются на пловцов.

Но до каких пор, впрочем, гнаться нам за недостижимым? Какое бы подобие ни нашел я для настоящих бедствий, слово слабеет пред ними и умолкает. Впрочем, хотя я и вижу все это, я все-таки не отчаиваюсь в надежде на лучшие обстоятельства, памятуя о Том Кормчем, Который не искусством одерживает верх над бурей, но одним мановением прекращает волнение моря. Если же Он делает это не с самого начала и не тотчас, то потому, что таков у Него обычай: не прекращать опасностей вначале, а тогда уже, когда они усилятся и дойдут до последних пределов, и когда большинство потеряет уже всякую надежду; тогда-то Он, наконец, совершает чудесное и неожиданное, проявляя и собственное Свое могущество и приучая к терпению подвергающихся опасностям. Итак, не падай духом.

Ведь одно только, Олимпиада, страшно, одно искушение, – именно только грех, – и я не перестаю до сих пор напоминать тебе это слово, все же остальное – басня, – укажешь ли ты на козни или ненависть, или коварство, на ложные доносы или бранные речи и обвинения, на лишение имущества или изгнания, или заостренные мечи, или морскую бездну, или войну всей вселенной. Каково бы все это ни было, оно и временно и скоропреходяще, и имеет отношение к смертному телу и нисколько не вредит трезвой душе.

Поэтому и блаженный Павел, желая показать ничтожество радостей и печалей, приключаящихся в настоящей жизни, разъяснил все одним изречением: *видимое временно* (2 Кор. 4, 18). Итак, зачем тебе бояться временного, протекающего подобно речным потокам? – потому что таково настоящее; – все равно, будет ли оно радостно или печально.

Другой же пророк все человеческое счастье сравнил не с травой даже, а с другим, более ничтожным веществом, назвав все вместе цветом травы, и счел этим цветом не часть только счастья, например, только богатство, или только роскошь, или обладание властью, или почести; но все, что у людей считается славным, обняв одним именем «славы», уподобил затем траве,

сказав: *всяка слава человека, яко цвет травный/всякая плоть – трава, и все красота ее как цвет полевой* (Ис. 40, 6).

2. Однако ужасно и тяжело, скажешь, несчастье. Но смотри, как и оно, в свою очередь, приравнивается пророком к другому образу, и относись с презрением и к нему. Именно, уподобляя бранные речи, оскорбления, укоризны, насмешки со стороны врагов и злые замыслы – изветшавшей одежде и изъеденной молью шерсти, пророк говорил: *«Не бойтесь поношения от людей, и злословия их не страшитесь, потому что состарятся как риза, и будут изъедены, как шерсть молью* (Ис. 51, 7–8)».

Итак, пусть не смущает тебя ничто из того, что происходит. Перестань звать на помощь то того, то другого, и гнаться за теньями, – а такова человеческая помощь, – но призывай непрестанно Иисуса, Которому ты служишь, чтобы Он только благоизволил – и все бедствия прекратятся в один миг. Если же ты призывала, а бедствие не устранено, то таков у Бога обычай: не сначала, – я повторю то, что сказал выше, – удаляет бедствия, но когда они достигнут наибольшей высоты, когда усилятся, когда враждующие изольют почти всю свою злость, – тогда, наконец, все сразу изменяет в состояние тишины и производит неожиданные перемены. Он может произвести не только те блага, каких мы ожидаем и надеемся получить, но и гораздо большие и бесконечно ценнейшие. Поэтому и Павел говорил: *«Тому, Кто... может сделать несравненно больше всего, чего мы просим, или о чем помышляем»* (Еф. 3, 20).

Разве Он не мог, в самом деле, сначала же не допустить трем отрокам подвергнуться искушению (Дан. 3)? Мог, но не пожелал, чтобы доставить им через это большую выгоду. С этой целью Он допустил и то, чтобы они были преданы в руки иноплеменников, и чтобы печь была разожжена до несказанной степени, и чтобы гнев царский пылал сильнее печи, и чтобы крепко связаны были их руки и ноги, и чтобы, наконец, свергнуты они были в огонь; и когда все, созерцавшие это, отчаялись в их спасении, – тогда-то неожиданно и вопреки всякой надежде проявилось чудное дело превосходнейшего Художника – Бога, и просияло с превосходною силою. Именно – огонь связывался, а узники разрешались; печь сделалась храмом молитвы, источником и росой, и стала почетнее царских дворцов, и над огнем, этой всепожирающей силой, которая преодолевает и железо, и камни, и побеждает всякое вещество, одержала верх природа волос. И здесь слышен был согласный хор святых, призывавших всю тварь, и небесную и земную, к дивному песнопению: они пели, воссылая благодарственные гимны за то, что были связаны, за то, что, насколько это зависело от врагов, были сжигаемы, за то, что были изгнаны из отечества, за то, что стали пленниками, за то, что были лишены свободы, за то, что сделались не имеющими родины, бесприютными и переселенцами, за то, что жили в чужой и иноплеменной земле, – таково свойство благодарной души.

И вот, когда и злодеяния врагов окончились, – что еще могли бы они предпринять после смерти? – и добродетель борцов проявилась во всей своей полноте, когда сплетен был для них венец, собраны были награды, и ничего уже не осталось больше для их прославления, тогда-то именно бедствия и устраняются, и тот, кто возжег печь и предал отроков столь великой муке, начинает дивно прославлять этих святых борцов и делается вестником необычайного чуда Божия: посылает во все стороны вселенной письма, полные благохваления, повествуя в них о случившемся, и делается таким образом достоверным вестником чудес дивнотворца Бога, потому что если он сам прежде был врагом и неприятелем, то писанное им не возбуждало уже к себе подозрения и у врагов.

3. Видишь искусство Бога? Видишь Его мудрость? Видишь, что Он совершает не то, что согласно с обычными мнениями и ожиданиями? Видишь его человеколюбие и попечительность? Поэтому не смущайся и не тревожься, но пребывай постоянно, благодаря Бога за все, славословь его, призывай, проси, умоляй, и хотя бы наступили бесчисленные смятения и волнения, или происходили пред глазами твоими бури, пусть ничто это не смущает тебя.

Господь ведь у нас не соображается с затруднительностью обстоятельств, даже если все падает в состояние крайней гибели, так как Ему возможно поднять упавших, вывести на дорогу заблудших, исправить поддавшихся соблазну, исполненных бесчисленных грехов освободить от них и сделать праведными, оживотворить лишенных жизни, восстановить еще с большим блеском то, что разрушено до основания и обветшало. В самом деле, если Он делает так, что рождается то, чего не было, и дарует бытие тому, что нигде вовсе не проявлялось, то гораздо скорее Он исправит существующее уже и происшедшее.

Но, скажешь, много погибающих, много соблазняющихся? Много и подобного часто уже случалось; но впоследствии все однако получало соответствующее исправление, исключая тех, кто упорно пребывал в неисцелимой болезни и после перемены обстоятельств. Зачем ты смущаешься и грустишь, если тот изгнан, а тот, напротив, возвращен? Христа распинали и требовали освобождения разбойника Вараввы, развращенный народ кричал, что лучше должен быть спасен человекоубийца, чем Спаситель и Благодетель. Скольких людей, ты думаешь, это тогда соблазнило? Скольких это тогда погубило?

Но лучше следует повести речь с более ранних событий. Этот Распятый не тотчас ли по Своем рождении сделался переселенцем и беглецом, и со всем Своим домом, находясь еще в колыбели, переселялся в чужую землю, отводимый в страну иноплеменников, отделенную от Его родины столь большим пространством пути? И вот по этой причине явились потоки крови, незаконные убийства и заклания; все только что явившееся на свет поколение убивалось, как бы в бою на войне; дети, отрываемые от сосцов, предавались закланию, когда еще было молоко в гортани, вонзался в нее меч через горло и шею. Что тяжелее этого печального события? И это делал искавший убить Христа; и долготерпеливый Бог терпел, когда дерзко измышлялось такое ужасное злодеяние, когда лилось столько крови – терпел, хотя мог бы воспрепятствовать, показывая столь великое долготерпение вследствие тайных и мудрых Своих планов. Когда затем Христос возвратился из страны иноплеменников и вырос, против Него начала возбуждаться вражда отовсюду. Сначала недоброжелательствовали и завидовали ученики Иоанна, хотя сам Иоанн относился с почтением к делу Его, и говорили, что *Тот, Который был с тобою при Иордане и о Котором ты свидетельствовал, вот, Он крестит и все идут к Нему* (Ин. 3, 26); это были слова людей, находившихся в состоянии раздражения, одержимых завистью и изнуряемых этой болезнью. Потому-то один из учеников, сказавших эти слова, даже спорил с неким иудеем и состязался об очищении, крещение сравнивая с Крещением, крещение Иоанново – с Крещением учеников Христа. *Тогда, – говорится, – у Иоанновых учеников произошел спор с неким иудеем об очищении* (Ин. 3, 25).

Когда опять Христос начал творить знамения, сколько было злословия? Одни называли Его самарянином и беснующимся, говоря, что *Ты самарянин и бес в Тебе* (Ин. 8, 48), другие – обманщиком, говоря: *нет, Он не от Бога, но обольщает народ* (Ин. 7, 12), иные – волшебником, говоря, что *изгоняет бесов силою князя бесовского Вельзевула* (Мф. 9, 34), и это повторяли постоянно.

Называли врагом Богу и любящим есть и служить чреву, любящим пить вино и другим людей порочных и развращенных: *Пришел, – говорится, – Сын Человеческий: есть и пьет; и говорите: вот человек, который любит есть и пить вино, друг мытарям и грешникам* (Лк. 7, 34). Когда же беседовал с блудницей, называли Его лжепророком: *Если бы Он был пророк, то знал бы, кто и какая женищина говорит с Ним* (Лк. 7, 39); и ежедневно изощрали зубы против Него. И не иудеи только так враждовали против Него, но и те сами, которые, казалось, были братьями Его, не относились к Нему искренне, и из среды домашних была возбуждаема против него вражда. Как растленны были и они, это усматривай из слов, которые сказал евангелист: *Ибо и братья Его не веровали в Него* (Ин. 7, 5).

4. Если затем ты вспоминаешь, что многие соблазняются и вводятся в заблуждение теперь, то спрошу тебя: сколько, думаешь ты, из учеников Его соблазнилось во время Кре-

ста? Один предал, другие убежали, третий отрекся, и когда все отстали, – был ведом только Один связанный. Сколько, ты думаешь, соблазнилось в то время из тех, которые недавно зрели Его творящим знамения, воскрешающим мертвых, очищающим прокаженных, изгоняющим бесов, источающим хлеба и совершающим другие чудеса, (соблазнились при виде того), как Его только вели связанным, когда Его окружали ничтожные воины и священники иудейские следовали за Ним, производя шум и смятение, при виде того, что все враги только, захватив Его, держали в своей среде, и что предатель присутствует при этом и торжествует?

А что, когда Его бичевали? И, вероятно, при этом присутствовало бесчисленное множество людей, потому что был славный праздник, который собирал всех, а городом, принявшим это зрелище беззакония, была столица, и происходило это в самый полдень. Итак, сколько людей, ты думаешь, присутствовало тогда и соблазнялось, видя, как Он был связан, подвергнут бичеванию, обливался кровью, испытывался судилищем игемона, и при этом не было никого из Его учеников?

А что, когда совершались над ним разнообразные издевательства, следовавшие непрерывно одно за другим, когда то увенчивали Его тернием, то облекали в хламиду, то давали в руки трость, то, падая, поклонялись Ему, проявляя все виды издевательства и осмеяния? Сколько людей, ты думаешь, соблазнялось, сколько приходило в смущение, сколько приводилось в замешательство, когда били Его по ланите и говорили: *Прореки нам, Христос, кто ударил Тебя?* (Мф. 26, 68). Когда водили Его туда и сюда, истратили весь день на остроты и ругательства, на издевательства и осмеяние, и это – в середине иудейского зрелища?

А что, когда раб архиерея ударил Его? А что, когда воины разделяли Его одежды? А когда Он, обнаженный, был вознесен на Крест со следами бичей на спине и был распинаем? Ведь даже и тогда эти дикие звери не смягчались, но делались еще более бешеными, и злодеяния усугублялись, и издевательства усиливались. Одни говорили: *Разрушающий храм и в три дня Созидающий* (Мф. 27,40). Другие говорили: *Других спасал, а Себя Самого не может спасти* (Мф. 27,42)? Иные говорили: *Если Ты Сын Божий, сойди с Креста, и уверюем в Тебя* (Мф. 27, 40, 42).

А что, когда наплатив губку желчью и уксусом, оскорбляли Его? А что, когда разбойники поносили Его? А что (о чем я и прежде говорил: о том страшном и беззаконнейшем деле), когда говорили, что более достойно требовать освобождения не Его, а того разбойника, вора и виновника бесчисленных убийств, и, получив от судьи право выбора, предпочли Варавву, желая не только распять Христа, но и запятнать Его дурной славой?

Думали, что отсюда можно сделать вывод, что Он был хуже разбойника и так беззаконен, что Его не могли спасти ни человеколюбие, ни достоинство праздника. Ведь все они делали ради того, чтобы переменить мнение о Нем в худую сторону, потому-то и распяли вместе с Ним и двух разбойников. Но истина не осталась скрытой, а просияла даже сильнее.

И в присвоении царской власти обвиняли Его, говоря: *Всякий, делающий себя царем, не друг кесарю* (Ин. 19, 12), – на Того, Кто не имел, где преклонить главу, возводя обвинение в желании царской власти. И в богохульстве давали Ему ложное обвинение: первосвященник разодрал свои одежды, говоря: *Он богохульствует! на что еще нам свидетелей?* (Мф. 26, 65).

А смерть какова? Разве не насильственная? Разве не смерть осужденных? Не смерть проклятых? Разве не самая постыдная? Разве не смерть самых последних беззаконников, недостойных даже испустить и дыхание на земле? А устройство погребения не совершается ли в качестве милости? Некто, придя, испрашивал себе Его тело. Таким образом, даже и погребавший Его не был из числа близких, благодетельствованных Им, из числа учеников, насладившихся столь полной близостью к Нему и вкусивших спасения, так как все они сделались беглецами, все убежали.

А та худая молва, которую распустили по воскресении, сказав, что пришли ученики Его и *украли Его* (Мф. 28, 13), сколь многих соблазнила, сколь многих вела в обман? Эта молва

тогда находила доверие, и хотя она была ложна и куплена за деньги, все же возымела силу в сознании некоторых после печатей, после столь великой очевидности истины. Народ же и не знал учения о воскресении. Это и неудивительно, когда и сами ученики не верили – тогда они и не знали, говорится, *что Ему надлежало воскреснуть из мертвых* (Ин. 20, 9). Итак, сколько, думаешь, соблазнилось в те дни? Но долготерпеливый Бог переносил, все устраивая по Своей неизглаголанной мудрости.

5. Потом, после трех дней, ученики опять скрываются, прячутся, становятся изгнанниками, пребывают в трепете и постоянно меняют место за местом, чтобы укрыться; и после пятидесяти дней начав показываться и творить знамения, даже и тогда не пользовались безопасностью. Но и среди более слабых происходило множество соблазнов, когда ученики были подвергаемы плетям, когда церковь была потрясается, когда ученики изгонялись, когда враги во многих местах делались сильными и производили смятения. Так, когда благодаря знамениям ученики приобрели большее дерзновение, тогда опять смерть Стефана причинила тяжелое преследование, рассеяла всех и ввергла церковь в смятение; ученики опять в страхе, опять в бегстве, опять в тревоге. И все же дела Церкви постоянно росли, процветали через знамения, светлели вследствие (положенных в их основание) начал. Один был спущен через окно и таким образом избежал рук начальника; других вывел Ангел и таким образом освободил от уз; иных, изгоняемых теми, которые обладали могуществом, принимали и служивали им всяким образом торговцы и ремесленники, торгующие пурпуром женщины, приготавливающие палатки и кожевники, живущие на самых окраинах городов, подле самого берега моря. А часто ученики Христовы даже не осмеливались и показываться в середине городов; если же они сами и осмеливались, то не дерзали оказывавшие им гостеприимство.

Так-то текли дела посреди искушений, посреди успокоений, и раньше соблазненные – впоследствии исправлялись, заблудшие приводились опять на путь, и разрушенное до основания устраивалось еще лучше. Поэтому когда святой Павел просил, чтобы проповедь распространялась только среди тишины, всемудрый и все прекрасно устраивающий Бог не сделал по воле ученика, не внял ему, несмотря и на частые его просьбы, но сказал: *Довольно для тебя благодати Моей, ибо сила Моя совершается в немощи* (2 Кор. 12, 9).

Если желаешь и теперь поразмыслить наряду с печальными событиями и о радостных, то увидишь много если не знамений и чудес, то, во всяком случае, похожего на знамения, и неизреченное множество доказательств великого Промышления Божия и помощи. Но чтобы ты не все услышала от нас без всякого труда, эту часть я оставляю тебе, дабы ты тщательно собрала все радостное и сопоставила с печальным, и, занявшись прекрасным делом, отклонила себя таким образом от уныния, потому что и отсюда ты получишь большое утешение. Утешь весь твой благословенный дом, передав от нас великое приветствие. Пребывай сильной и радостной, достопочтеннейшая и боголюбезнейшая моя госпожа!

Если желаешь писать мне пространно, то извести меня об этом, не обманывая меня однако, что ты оставила всякое уныние и проводишь жизнь в спокойствии. В том ведь и заключается лекарство моих писем, чтобы доставить тебе большую радость – и ты будешь получать от меня письма постоянно. Но не пиши мне опять: «Я получаю большое утешение от твоих писем», потому что это знаю и я; пиши, что получаешь такое утешение, какое я хочу, что не смущаешься, не плачешь, а проводишь жизнь в спокойствии и радости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.